

URSZULA WÓJCICKA, *Literatura staroruska z elementami historii i kultury dawnej Rusi* [Древнерусская литература с элементами истории и культуры Древней Руси], Bydgoszcz 2010, pp. 368.

Среди польскоязычных публикаций, посвященных средневековой культуре восточных славян, очень трудно найти учебное пособие для студентов русской филологии и других специальностей, содержащее целостный образ эпохи. Преобладают краткие обзоры восточнославянской письменности с древнейших времен до современности<sup>1</sup>. Правда, существует также польский перевод обширного труда Герхарда Подскальского под заглавием *Christentum und theologische Literatur in der Kiever Rus'* (*Христианство и богословская литература в Киевской Руси*), однако упомянутая публикация, сосредоточенная на древнейшем периоде русской истории, охватывающем время от начала христианства на Руси до нашествия монголов (1237), адресована не студентам филологических и исторических факультетов, а профессиональным исследователям-славистам<sup>2</sup>.

Именно поэтому первым учебным пособием по древнерусской литературе, который предлагается вниманию польского читателя, можно считать новей-

шую публикацию Уршули Вуйчицкой, профессора Университета им. Казимежа Великого в Быдгоще, специалиста по литературе допетровской Руси (X–XVIII вв.)<sup>3</sup> и другим вопросам русской средневековой культуры. Как сообщает автор в предисловии к рецензируемой публикации, она является результатом ее многолетней преподавательской и исследовательской работы. Следуя распространенной в современном литературоведении тенденции, Вуйчицка предлагает рассматривать историю русской культуры допетровского периода как единое целое, без разграничения средневековой письменности и литературных достижений писателей XVI–XVII вв. Поскольку в отечественной печати практически отсутствуют публикации об истории и культуре средневековой Руси<sup>4</sup>, исследовательница решила показать древнерусскую литературу на широком фоне общественно-исторических событий и достижений культуры (изобразительного искусства и зодчества) Древней Руси.

<sup>3</sup> Дополнением к предлагаемой вниманию читателя книге является другой учебник Уршули Вуйчицкой, который целиком посвящен русской литературе XVIII столетия: U. WÓJCICKA, *Literatura rosyjska XVIII wieku z elementami historii i kultury Rosji*, Bydgoszcz 2008.

<sup>4</sup> Краткий очерк истории Древней Руси польскоязычный читатель может найти прежде всего в начальных главах учебных пособий по истории России и Украины (L. BAZYŁOW, P. WIECZORKIEWICZ, *Historia Rosji*, Wrocław 2010, p. 9–71; W. SERCZYK, *Historia Ukrainy*, Wrocław 2001, p. 20–53), а также в первом томе труда: A. ANDRUSIEWICZ, *Cywilizacja rosyjska*, Warszawa 2004, p. 7–304.

<sup>1</sup> *Historia literatury rosyjskiej*, ed. M. JAKÓBIEC, Warszawa 1976; B. MUCNA, *Historia literatury rosyjskiej. Od początków do czasów najnowszych*, Wrocław 2002.

<sup>2</sup> G. PODSKALSKY, *Chrześcijaństwo i literatura teologiczna na Rusi Kijowskiej (988–1237)*, trans. J. ZYCHOWICZ, Kraków 2000. Первое издание книги на немецком языке: G. PODSKALSKY, *Christentum und theologische Literatur in der Kiever Rus' (988–1237)*, München 1982. Русский перевод: Г. ПОДСКАЛЬСКИ, *Христианство и богословская литература в Киевской Руси (988–1237 гг.)*, trans. А.В. Назаренко, ed. К.К. Акентьев, Санкт-Петербург 1996 [= Subsidia Byzantinorossica, I]

Книга состоит из Введения, трех глав, Заключения и Библиографии. Во Введении автор определяет хронологические рамки учебника, кратко характеризует специфику культуры средневековой Руси, развивающейся (начиная с момента крещения князя Владимира в 988 г.) под сильнейшим влиянием восточного христианства и византийской цивилизации, перечисляет важнейшие особенности древнерусской литературы. Несколько слов посвящает также наиболее характерным чертам восточнославянской палеографии, до сих пор нуждающейся, как и русская редакция древнецерковнославянского языка, в современном учебном пособии на польском языке<sup>5</sup>.

Учебник характеризуется последовательной подачей материала. Изложение истории литературы разделено на три части. В первой главе анализируется начальный этап развития древнерусской письменности, хронологически совпадающий с периодом существования Киевской Руси на политической сцене Восточной Европы. Вторая часть посвящена тяжелому времени татаро-монгольского нашествия и владычества (период культурного суверенитета Владимиро-Суздальской Руси). В третьей главе внимание уделено прежде всего литературным произведениям, возникшим на территории Московского государства в XVI–XVII вв. В каждой из вышеуказанных частей материал представлен по одной и той же схеме. В начале главы автор дает краткий обзор исторических событий, затем рассказывает о важнейших аспектах материальной культуры, изобразительного искусства (прежде всего иконописи), архитектуры и музыкального творчества. Кроме того, Уршуля Вуйчицка обращает внимание на малоизвестные широкому

кругу польских исследователей новгородские грамоты на бересте, представляющие неоспоримую ценность для историка, изучающего общественную и хозяйственную жизнь Великого Новгорода, и на надписи и граффити, обнаруженные археологами на стенах важнейших памятников древнерусской архитектуры<sup>6</sup>. Подразделы, посвященные литературе, находятся в конце каждой главы и занимают, конечно, несравнимо больше места. Основой систематизации памятников древней письменности является жанровая система. В отдельных подразделах автор характеризует переводную литературу, средневековую историографию (летописание) и церковную литературу, прежде всего агиографию и так называемые хождения (рассказы о путешествиях). Вместе с тем исследовательница не забывает упомянуть о народном творчестве Древней Руси и тех жанрах светской письменности, которые стали появляться в литературе Московского государства на протяжении XVII в.

Подготавливая к печати столь многоаспектную публикацию, очень трудно избежать неточностей. Итак, безусловно слабой стороной рецензируемой работы можно считать фрагменты, излагающие ход исторических событий. Книга содержит, к сожалению, несколько фактографических неточностей и ошибок. Так, например, нельзя забывать, что византийский император никогда не имел полной власти над восточной церковью и ее руководителями (с. 16), что сан патриарха, начиная с половины V в., принадлежал на христианском Востоке только четырем епископам: константинопольскому, иерусалимскому,

<sup>6</sup> Краткий обзор некоторых древнерусских граффити см. в монографии: M. WÓJTOWICZ, *Najstarsze datowane inskrypcje słowiańskie X–XIII wiek*, Poznań 2005, p. 91–96, 99–111, 119, 134, 137, 142–143, 146–149.

<sup>5</sup> Недавно вышел в свет древнерусско-польский словарь: H. WĄTRÓBSKA, *Słownik staro-cerkiewno-rusko-polski*, Kraków 2010.

александрийскому и антиохийскому (с. 16), а окончательный раскол христианской Церкви (1054 г.) на западную/католическую и восточную/православную состоялся при константинопольском патриархе Михаиле Кируларии и римском папе Льве IX (с. 17). Трудно также согласиться с утверждением, что первые сведения о славянах стали появляться в письменных источниках уже в V в. до н.э. (с. 33) или считать текст русско-византийского договора 944 года, дошедший до наших дней только в составе *Повести временных лет*, старейшим древнерусским документом (с. 35). Княгиню Ольгу никаким образом не мог крестить император Константин Великий (с. 35), живший в IV в. и не имевший права (оно принадлежало только священникам) совершать обряд крещения. Вероятнее всего, правительница Киевской Руси крестилась в Царьграде в половине X в. во время правления Константина VII Багрянородного. Ни один византийский император не мог считать себя вполне наследственным правителем, а прозвище «Порфиrogenит» (Багрянородный) придавалось в Византии только императорским детям, рожденным во время правления их отца (с. 57). Сыновья князя Владимира – Борис и Глеб – были причислены к лику святых Русской Православной Церкви не в 1020 г. (с. 91), а в 1072 г. Войска киевского князя Святослава никаким образом не могли захватить византийскую столицу в 971 г. (с. 115). Трудно также согласиться с утверждением Уршули Вуйчицкой, что изготовление чаши из черепа побежденного врага воспринималось в средневековом обществе лишь как знак почести и уважения к погибшему (с. 115). В византийских источниках можно найти информацию, что после разгрома императорской армии и гибели Никифора I, болгарский хан Крум (IX в.) приказал изготовить из черепа по-

бежденного правителя кубок, отделанный серебром, которым пользовался на пирах со своими вожжами. Поступок хана интерпретировался византийцами однозначно – как чрезвычайно позорное событие в истории восточной империи<sup>7</sup>. Вторая жена Ивана III, Зоя-София Палеолог, была дочерью младшего брата последнего византийского императора, Константина XI Палеолога-Драгаша. В монографии читаем, что она является дочерью сестры императора (с. 159, 252). Александр Лисовский – основатель подразделений польской легкой кавалерии, действовавшей в пределах Московского государства во время Великой Смуты, никогда не получил сана гетмана (с. 314).

К тому же удивление вызывает факт, что Уршуля Вуйчицка не соблюдает – обязательного для всех исследователей прошлого – правила, согласно которому необходимо ссылаться непосредственно на исторический источник. Так, например, на с. 12, упоминая известный памятник древнеболгарской литературы, трактат *О письменах* Черноризца Храбра (IX в.), она цитирует фрагмент этого сочинения по научно-популярной книге Стефана Братковского, посвященной истории и культуре Великого Новгорода<sup>8</sup>. Очень

<sup>7</sup> M.J. LESZKA, *Chan Krum i basileus Nikefor I w świetle Peri Nikifórov tou βασιλέως και πως αφήσιν τα κωλα εν Βουλγαρία*, SA 43, 2002, p. 35–43; IDEM, *Wizerunek władców pierwszego państwa bułgarskiego w bizantyńskich źródłach pisanych (VIII–pierwsza połowa XII wieku)*, Łódź 2003, p. 46–47 [=BL. 7]; IDEM, *Leon V i chan Krum w świetle fragmentu Chronografii (AM 6305) Teofanesa Wyznawcy*, PNH 6, 2007, p. 109–117.

<sup>8</sup> Стефан Братковский, в свою очередь, без никакой библиографической справки ссылается на какой-то труд Бориса Грекова. S. BRATKOWSKI, *Pan Nowogród Wielki. Prawdziwe narodziny Rusi*, Warszawa 1999, p. 167.

трудно понять, почему автор публикации не пользуется здесь изданием, содержащим его польский перевод авторства Александра Наумова<sup>9</sup>. Ситуация повторяется на с. 43. Автор приводит здесь короткий фрагмент Киевской летописи, цитируя текст по книге Евгения Осетрова *Живая Древняя Русь* и не сообщая читателям, что упоминаемый источник имеет полное научное издание на польском языке<sup>10</sup>.

Подготавливая к изданию столь обширную публикацию, разумеется, трудно полностью избежать повторений и непоследовательностей. Укажем на некоторые из них. На с. 28 Уршуля Вуйчицка неточно определяет стилистическую манеру, получившую широкое распространение в литературных произведениях православных славян в XIV в. под влиянием эстетических принципов исихазма (так называемое *плетение словес*), как «пустословие», а на с. 183 компетентно характеризует специфику этого стиля, тесно связанного с масштабнейшими явлениями в духовной культуре позднего средневековья. Приобщая читателей к основным вопросам византийского сакрального искусства (с. 51), она толкует древнецерковнославянский термин «иконопись» лишь как ошибочный перевод греческого слова *εἰκονογραφία*; в главе, посвященной переводной литературе и старейшим русским рукописям, содержащим фрагменты Ветхого и Нового Завета, подчеркивает характерное для богословия Восточной Церкви сопоставление Священного Писания и иконы (с. 68). Исследовательница ошибочно именует киевский храм Софии Премудрости Божией это издание упоминается.

«верной копией» константинопольского собора (с. 64), а уже на следующей странице утверждает, что русская церковь отличается от византийской количеством куполов. В анализе иконографии Богородицы ошибочно утверждает, что *Спас Эммануил* изображает Христа-Младенца (с. 223), а на с. 57 подчеркивает, что анализируемый тип концентрируется на тайне Воплощения Слова Божия.

На этапе редакционно-подготовительных работ следовало также обратить больше внимания на используемые понятия и унифицировать терминологию, что позволило бы избежать разнобоя. Например, древнецерковнославянский язык трудно считать старейшей формой славянского языка (с. 16). Древнецерковнославянский (*staro-cerkiewno-słowiański*) – это язык православной литургии и средневековой славянской письменности, в то время как начальной фазой образования славянских языков является праславянский (*prasłowiański*). В Московском государстве на протяжении XVII в. никто уже не переводил трудов Отцов Церкви с греческого на старославянский (с. 301). Языком письменности и литургии являлась в этот период русская редакция древнецерковнославянского, т.е. церковнославянский язык (*cerkiewnosłowiański*). Автор употребляет также различные термины для обозначения русских и византийских софийских соборов (с. 64–65, 196). Кажется, лучшим вариантом было бы определение «церковь/собор Софии Премудрости Божией», минимизирующее возможность перепутать Божественную Премудрость со святой Софией.

Члены редколлегии, решившие полонизировать все личные имена и географические термины, должны были позаботиться о последовательном и адекватном их употреблении. Итак, Византий

<sup>9</sup> CZERNORIZEC CHRABR, *O piśmie*, [in:] *Pasterze wiernych Słowian. Święci Cyryl i Metody*, ed. A. NAUMOW, Kraków 1985, p. 26–31.

<sup>10</sup> *Latopis kijowski 1159–1198*, ed. E. GORANIN, Wrocław 1988, p. 180. Кстати, в Библиографии это издание упоминается.

– древнегреческий город, существующий на месте будущего Константинополя (с. 16) – это по-польски *Byzantion*, а район византийской столицы, в котором находился императорский дворец и известная Богородичная церковь – это *Blacherny* (с. 54). Польская форма имени Климент звучит *Klemens* (с. 23), а имени Никифор – *Nikefor* или *Nicefor* (с. 25).

Достоинством рецензируемого труда является приведение в скобках важнейших терминов в их первоначальной (древнецерковнославянской, церковнославянской или русской) форме, благодаря чему читатели книги, прежде всего студенты филологических факультетов, получили возможность познакомиться с оригинальной терминологией, а также помещенный в книгу богатый иконографический материал. Все иллюстрации и репродукции цветные и высококачественные. Они удачно подобраны и являются ценным дополнением к тексту учебника.

Итак, рецензируемая публикация безусловно содержит обстоятельное обзор-

рение важнейших литературных явлений и цивилизационных достижений русского средневековья, т.е. эпохи, которой обычно посвящается очень мало места в учебных пособиях по истории русской литературы (большинство наших критических замечаний касается в основном второстепенных вопросов, связанных скорее с историей, чем с литературой). Она убедительно раскрывает специфику литературы и культуры средневековой Руси, знакомит с культурными связями восточных славян с важнейшими интеллектуальными центрами на Балканах (в Византии, Болгарии и Сербии), а в XVI–XVII в. – с жителями польско-литовского государства. Следовательно, можно полагать, что предлагаемое вниманию читателя учебное пособие окажется востребованным студентами русской филологии и других специальностей, а также всеми интересующимися историей и широко понятой культурой Древней Руси.

**Zofia Brzozowska (Łódź)**

***Uczniowie Apostołów Słowian. Siedmiu Świętych Mężów [Disciples of the Apostles of the Slavs. The Seven Holy Men]*, ed. MAŁGORZATA SKOWRONEK, GEORGI MINCZEW, Collegium Columbinum Cracoviae, Kraków 2010, pp. 216 [= Biblioteka duchowości europejskiej, 4].**

The body of sources pertaining to the disciples of Constantine-Cyril and Methodius, unlike the texts devoted to the latter<sup>1</sup>, has not been of particular interest to

<sup>1</sup> E.g.: *Żywoty Konstantyna i Metodego (obszernie) [Lives of Constantine and Methodius (comprehensive)]*, trans., ed. T. LEHR-SPLAWIŃSKI, Poznań 1959; *Pasterze wiernych Słowian. Święci Cyryl i Metody [Shepherds of the faithful*

Polish scholars<sup>2</sup> and it is therefore gratify-

*Slavs. Saints Cyril and Methodius]*, ed., trans. A. NAUMOW, Kraków 1985; *Cyryl i Metody. Apostołowie i Nauczyciele Słowian [Cyril and Methodius. Apostles and teachers of the Slavs]*, vol. II, *Dokumenty [Documents]*, ed. J.S. GAJEK L. GÓRKA, Lublin 1991.

<sup>2</sup> For example, an exception to this is a translation of some of the Clement of Ohrid's texts,

ing to see that a new publication has filled the gap in this area. It is worth highlighting that its creation came about through the initiative and effort of South Slavic linguists from Łódź, headed by Georgi Minczew. Furthermore, in order to achieve this ambitious undertaking, it was possible not only to involve a group of excellent translators, but also to gain the assistance of prominent experts on the subject of the activity and cult of Constantine and Methodius' pupils. These experts came in the person of Elka Bakalova, Slavia Barlieva and Dimo Češmedžiev, who wrote the introductory texts.

The book is divided into four main parts; in the first, there are three studies, constituting an introduction to the source texts. The first one, *Uczniowie Apostołów Słowian Siedmiu Świętych Mężów w greckiej i słowiańskiej tradycji literackiej [Disciples of the Apostles of the Slavs. The Seven Holy Men in Greek and Slavic literary tradition]* (p. 17–36), is the work of Slavia Barlieva and Dimo Češmedžiev. In the first part of the text, S. Barlieva presents the personalities and works of the pupils of Constantine-Cyril and Methodius and characterises the source that is the basis of our knowledge about them. In the second part, D. Češmedžiev examines the question of the creation and development of the cult of the Seven Holy Men, which includes both the Apostles of the Slavs themselves and their pupils. He supports the view that the cult dates back to the 16<sup>th</sup> century and that the number of saints in the group is linked to the symbolic meaning of the number seven, as we know by name only six of the pupils of Constantine-Cyril and Methodius. The author of the following text *Siedmiu Świętych Mężów w sztukach pięknych [The Seven Holy Men in the arts]* (p. 37–60) is Elka Bakalova.

done by A. NAUMOW – *Pasterze...*, pp. 37–50, 99–105.

The scholar characterises the tendencies in art in portraying Apostles of the Slavs, as well as their pupils, beginning from the late 9<sup>th</sup> century up until the last decade of the 20<sup>th</sup> century. She discusses the most important works portraying them, points out the reasons for the proliferation and abatement of interest in the figures of the Seven Holy Men over various periods and in different areas during the more than a millennium long history of their presence in art. The third text, *Pamięć o Siedmiu Świętych Mężach w legendach ludowych i podaniach [The memory of the Seven Holy Men in folk tales and legends]* (p. 61–77), by Georgi Minczew shows the presence of the Seven Holy Men in South Slav folklore. The scholar disputes the current academic views and displays his own original findings concerning, i.a., the archaic core of the tale of the Seven Holy Men, the lands which became the cradle of these tales and, finally, the influence of high culture on their shape.

All three of the studies – in conjunction with the preface (*Zamiast wstępu [Instead of introduction]*, p. 9–16) by Małgorzata Skowronek, who undertook the task of sharing with the Polish reader the works associated with the pupils of Constantine and Methodius – intended to prepare the reader for the reading and understanding of the source texts. The translations, whose authors are Anna Maciejewska (3 texts), Maciej Kokoszko (1), Małgorzata Skowronek (32), Agata Kawecka (2), Magdalena Pasik (3), Ivan Petrov (1) and Aleksander Naumow (1), have been made in a professional manner, conveying not only the letter, but also the spirit of the original texts. The sources were divided into three groups. In the first, *Hagiografia [Hagiography]* (p. 79–142) there are eight lives of saints, including five of St. Naum (three anonymous of Slavic